

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Р.С. Платонов

Аристотель в моральной философии раннего Нового времени (трактат Г. Гроция «О праве войны и мира»)*

Платонов Роман Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: roman-vsegda@mail.ru

В статье исследуется влияние античной философии на моральную философию раннего Нового времени на примере рецепции идей Аристотеля в трактате Г. Гроция «О праве войны и мира». Ставится цель определить форму и содержание такой рецепции, выявить основные концепции в моральной философии Г. Гроция, образованные под влиянием Аристотеля. Особое внимание уделяется концепции справедливости как центральной для учения Г. Гроция о естественном праве. Исследование проводится посредством сравнительного понятийного анализа, при котором влияние устанавливается на основе систематизации текстологических свидетельств употребления и заимствования отдельных понятий или суждений. В результате определяются типы обращения Г. Гроция к текстам Аристотеля. Выясняется, что Аристотель в основном используется как источник сведений, также часто заимствуются его отдельные суждения для аргументации, но обращение к нему как к философу вторично, т. к. Г. Гроций оспаривает большинство его концепций. Однако им признается значение методологических работ Аристотеля в области практических наук, в первую очередь для структурирования социальных практик. Делается вывод, что обращение Г. Гроция к философии Аристотеля не имеет систематического характера, во многом демонстрируя лишь эрудицию автора. В такой ситуации сравнительный понятийный анализ не дает удовлетворительного результата, т. к. влияние оказывается на уровне общекультурного развития автора. Соответственно, о таком влиянии нельзя получить точных сведений, а его исследование возможно только как весьма интерпретационное сравнение идей.

Ключевые слова: справедливость, мораль, естественное право, метод, Гроций, Аристотель

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции», грант № 18-011-00297.

I. Своеобразие философского текста Г. Гроция

Для исследования проблемы влияния мыслителей предшествующих эпох на моральную философию раннего Нового времени трактат Гуго Гроция «О праве войны и мира» представляет особый интерес как своим содержанием, так и формой, стилем.

Содержательно он, по выражению С.Б. Крылова, «много шире своего названия»¹. При всей тщательности проработки Гроцием концепции естественного права, в ней сохраняется моральная составляющая (обращение к совести и т. п.). Возможно, это потому, что его задачи, как писал К. ван Волленховен, были скромнее, чем создание философии права, и практичнее – урегулирование отношений как внутри, так и между государствами, пребывающими в постоянных войнах². Однако, не разделяя морали и естественного права, Гроций уже отделяет их от религии³, хотя и делает это весьма осторожно⁴. Разграничение же права и морали угадывается в его попытках определить специфику правовых норм⁵. Таким образом, работа Гроция продвигает философию к обособлению моральной проблематики негативно – через обособление проблематики права⁶. Т. е. он находится в самом начале того специфического пути моральной философии Нового времени, о котором пишет Р.Г. Апресян, как о «смещение фокуса морально-философского рассуждения на феномен морали как таковой», когда спецификация понятия «мораль» (*moralitas*) происходит, в том числе, и через его обособление от понятия «естественное право» (*jus naturale*)⁷.

Специфичен и стиль Гроция – его способ построения текста. Разрыв с традицией схоластики (точнее – со способом философствования средневековых университетов), появление мыслителей, независимых от университетской традиции, определяет и новые формы философского текста. На первое место выходит личность автора, который выстраивает рассуждения с опорой на разум

¹ Крылов С.Б. От научного редактора // Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 5.

² Vollenhoven C. Van. Grotius and the Study of Law // The American Journal of International Law. 1925. Vol. 19. № 1. P. 2.

³ Многими исследователями именно секуляризация философии морали принимается за важный фактор формирования «самостоятельной моральной философии» со своим специфическим предметом исследования – моралью (Апресян Р.Г. К вопросу о концептуализации морали в ранненовременной философии // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 36–37).

⁴ «Сказанное нами в известной мере сохраняет силу даже в том случае, если допустить – чего, однако же, нельзя сделать, не совершая тяжчайшего преступления, – что бога нет или что он не печется о делах человеческих» (Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 46–47).

⁵ Действенность права он объясняет не только совестью, но и внешней силой принуждения, однако при этом не раскрывая специфики внешнего принуждения (См.: Саккетти А.Л., Желудков А.А. Гуго Гроций и его трактат «О праве войны и мира» // Гроций Г. О праве войны и мира. С. 14).

⁶ Существует и позитивная интерпретация: согласно Стивену Даруэлу, Гроций развивает идею автономии морали – ее укорененности в естественных правах и независимости от волеустановленного права (см. Darwall S. Honor, History and Relationship. Essays in Second-Personal Ethics II. Oxford, 2013. P. 157–188).

⁷ Апресян Р.Г. К вопросу о концептуализации морали в ранненовременной философии. С. 35–36.

и опыт, очищенные от авторитетов прошлого. Такими же «очищенными» становятся, соответственно, и тексты⁸. Но текст Гроция оказывается любопытным смешением традиций: с одной стороны, его идеи определяются всеми исследователями как прогрессивные для своего времени, отражающими именно Новое время⁹, с другой – он раскрывает их через постоянное обращение к мыслителям прошлого, что демонстрирует колоссальную эрудицию автора, но уже не воспринимается как безусловная ценность или достоинство его работы¹⁰. Этот способ С.Б. Крылов называет «изложение обремененное многочисленными цитатами»¹¹.

Сразу нужно подчеркнуть, что речь не идет о способе, которым Гроций намеревается придать «юриспруденции <...> научную форму», суть которого в том, чтобы «отделить то, что возникло путем установления, от того, что вытекает из самой природы»¹². Этот способ вполне обоснованно можно назвать «методом юридической науки», который разрабатывает Гроций¹³. Речь именно о том, как автор излагает свои мысли. В этом Гроций тоже вполне отдает себе отчет, определяя «три задачи: придавать возможно большую очевидность моим доказательствам, соблюдать определенный порядок расположения излагаемого предмета и проводить четкое различие между теми предметами, которые могли казаться одинаковыми, но которые на самом деле не таковы»¹⁴. Соответственно, у нас есть все основания предполагать, что у Гроция ссылки на других авторов выполняют не функцию риторического приема – убедить, произвести впечатление, а как минимум функцию разъяснения доказательств или различения обсуждаемых предметов.

Таким образом, разработка моральной проблематики Гроцием уже может рассматриваться как ранненововременная, но еще сохраняющая тесную связь с концепциями прошлых эпох, при этом связь явную – фиксированную в тексте в силу своеобразия его стиля. Это дает возможность применить сравнительный понятийный анализ, при котором влияние устанавливается на основе употребления, заимствования отдельных понятий или суждений, и который больше соответствует исследовательским целям историко-философского характера.

⁸ Подробнее о типах философского текста в раннее Новое время см. Платонов Р.С. Античные влияния в этике раннего Нового времени: методология исследования // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 328–336.

⁹ В первую очередь это касается проблематики права и международного права в частности, а также его антропологии (См. Апресян Р.Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 144; Козлихин И.Ю. Гуго Гроций // Правоведение. 1999. № 4. С. 263–271; Jeffery R. Hugo Grotius in international thought. New York, 2006. P. 27–51; Haakonssen K. Hugo Grotius and the History of Political Thought // Haakonssen K. Grotius, Pufendorf and modern natural law. Vermont, 1999. P. 35–62).

¹⁰ Более того, подвергнется и жесткой критике (см.: Козлихин И.Ю. Гуго Гроций. С. 263; Voltenhoven C. Van. Grotius and the Study of Law. P. 1; Jeffery R. Hugo Grotius in international thought. P. 2).

¹¹ Крылов С.Б. От научного редактора. С. 4.

¹² Гроций Г. О праве войны и мира. С. 52.

¹³ См.: Апресян Р.Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира». С. 143–146; Козлихин И.Ю. Гуго Гроций. С. 264.

¹⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 59.

II. Место и роль Аристотеля в философском тексте Г. Гроция

Обращение Гроция к предшественникам в трактате весьма значительно: Цицерона он упоминает 270 раз, Сенеку – 246, Аристотеля – 162, Платона и платоников – 80 и т. д. Множество христианских и языческих авторов, цитаты из Библии и древнегреческих пьес наполняют его текст. Как видим, присутствие Аристотеля здесь количественно не на первом месте, однако это не означает, что локализация исследования влияния Аристотеля не будет соответствовать общей цели, т. к. сам Гроций отдает ему «среди философов заслуженное первенство». Более того, говоря именно об Аристотеле, Гроций оставляет нам подсказки для исследования. Вполне в духе времени он заявляет, что Аристотель мог и ошибаться. Фраза «мы склонны высоко ценить Аристотеля, но лишь соблюдая ту свободу, которую сам он допускал по отношению к своим учителям по свойственной ему любви к истине»¹⁵ есть не что иное, как правило Гроция в обращении с интеллектуальным наследием Стагирита. В свете обозначенных трех задач изложения, это правило утверждает не просто избирательное отношение к идеям Аристотеля, а их избрание в свете некоторой истины¹⁶. Исходя из этого, а также из высказанного выше предположения, мы можем содержательно уточнить определение влияния в следующих вопросах. Являются ли ссылки на Аристотеля чем-либо, кроме иллюстраций или поясняющих примеров – являются ли они концептуально значимыми, значимыми для доказательства или разъяснения каких-либо положений?

Также, чтобы остаться в рамках избранного метода, мы не будем рассматривать возможные сходства высказываемых идей, если они не подкреплены ссылками. Например, фундаментальное для рассуждений Гроция положение о том, что человек по природе существо «общительное», обычно истолковывают как влияние Аристотеля¹⁷. Однако сам Гроций делает отсылку не к Аристотелю, а к стоикам¹⁸, в примечании указывает шесть авторов, но не Стагирита¹⁹. По этой же причине нас не интересует, насколько «правильно» Гроций понимал Аристотеля²⁰, сходится ли цитирование с оригиналом. Соответственно, методологически исследование также уточняется – не определять идеи, а выявлять присутствие Аристотеля в тексте Гроция, тем самым определять документально фиксируемую форму влияния.

¹⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 54–55.

¹⁶ Т. Ирвин называет такой подход «эkleктическим отношением к источникам», что подчеркивает влияние отцов церкви на Гроция (*Irwin T. The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Vol. II: From Suarez to Rousseau. Oxford, 2008. P. 88*).

¹⁷ Саккетти А. Л., Желудков А. А. Гуго Гроций и его трактат «О праве войны и мира». С. 13.

¹⁸ На это обращает внимание Т. Ирвин (см. *Irwin T. The Development of Ethics. Vol. II. P. 95*). Хотя для Ирвина различие источников влияния не принципиально важно, т. к. для него они в любом случае указывают на вторичность идей Гроция.

¹⁹ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 45. С. 61.

²⁰ Тем более, что это влечет за собой дополнительные интерпретации. Так, Даруэл, отстаивая в оппозиции Ирвину новаторство Гроция, вынужден затронуть дискуссию о наличии у Аристотеля концепции естественных прав, а также рассматривать крайне абстрактные отличия «античной» и «современной» теории морали (*Darwall S. Honor, History and Relationship. 2013. P. 161–162*).

В первую очередь обращает на себя внимание то, что Аристотель цитируется Гроцием не системно и по самым различным вопросам, но наиболее развернуто именно тогда, когда речь идет о справедливости. Это особенно важно, учитывая, что проблематика справедливости является центральной для трактата Гроция²¹, именно через определение справедливости он выходит к обсуждению права²². Развернутое обращение Гроция к Аристотелю начинается с его критики концепции добродетели как середины между крайностями. Гроций указывает, что она приводила к отождествлению различных добродетелей и указание на не существующие пороки. Т. е. он считает такой подход надуманным, поэтому не принимает положение Аристотеля о том, что «природа справедливости состоит в умеренности аффектов и действий»²³. Другое положение – о добродетели справедливости «как исправлении недостатков закона вследствие его всеобщности»²⁴ – он называет «мудрым»²⁵, однако уже без пояснений.

Также Гроций вводит в свои рассуждения аристотелевское разделение справедливости «в отношениях между равными» и «в отношениях между господствующими и повинующимися». Но при этом он ссылается на Аристотеля не как на автора такой концепции, а как на описавшего действительное положение вещей, ведь таковы отношения «братьев, граждан, друзей <...> отца к детям, хозяина к рабу»²⁶. Далее, как и в случае с добродетелью, Гроций оспаривает эффективность самой концептуализации. Подход Аристотеля предполагает рассматривать справедливость через распределение благ по пропорциям арифметической (уравнивающей) и геометрической (учитывающей различия субъектов). Гроций опять указывает на недостаточную точность описания явления – «подобное положение дел имеет место часто, но не всегда», ведь люди могут быть одновременно и равными, и не равными (например, братья). В результате, «право равенства» и «право господства» определяются им не типом распределения благ, а только типом субъектов – «предметом, к которому имеет отношение» справедливость/право.

В разборе справедливых причин войны Аристотель приводится как сказавший, что «предпринимать войну следует против тех, кто ранее нарушил право»²⁷. Но эта цитата идет в общем потоке других примеров того, как оценивали справедливость войны, в том числе и из истории. Гроций не использует его суждения, чтобы обосновать подобное утверждение. Можно сказать, что по вопросу справедливости обращения к Аристотелю как философу не происходит.

²¹ С первых строк еще в посвящении Людовiku XIII им заявляется, что эта книга «написана в защиту Справедливости» (там же, с. 41).

²² И.Ю. Козлихин считает, что Гроций вообще «отождествляет понятия права и справедливости» (Козлихин И.Ю. Гуго Гроций. С. 264).

²³ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 54.

²⁴ В применении общего к частным случаям.

²⁵ Там же. С. 412.

²⁶ Там же. С. 69.

²⁷ Там же. С. 187.

Похожее отношение прочитывается и по вопросу права. Говоря о разделении права на естественное и волеустановленное, Гроций упоминает, что оно «предложено Аристотелем», но не более. Его рассуждения строятся уже без апелляции к Стагириту. Когда же он говорит о том, что «естественное право <...> не может быть изменено даже самим богом», он сначала приводит свои рассуждения о том, что «бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро», а уже потом вскользь упоминает Аристотеля – мол, тот имел в виду то же самое, когда говорил о вещах «самое наименование которых связано с мыслью о порочности»²⁸. Т. е. суждение Аристотеля тут не только не является концептуально значимым, но не играет даже роли аргумента (ни в смысле авторитета, ни в смысле убедительности самого суждения). Они некий артефакт, который так и не включается в работу.

На этом фоне странно выглядит принятие отдельных положений Аристотеля. Описывая виды приобретения права, в том числе и прав родителей в отношении детей, Гроций без оговорок принимает классификацию детского возраста Аристотелем, соглашаясь и с основным критерием классификации – неразвитостью суждений²⁹. Принимает он и логику Аристотеля относительно критерия собственности – «определение собственности состоит в том, что у нас имеется право отчуждения»³⁰. Принимает и классификацию Аристотелем поступков на основе понятий произвольности и неведения³¹. Эта странность проясняется примерами использования отдельных суждений Стагирита.

Другой тип обращения Гроция к Аристотелю – это заимствование суждений для аргументации. Обосновывая идею, что моря не должны принадлежать кому-либо, Гроций ссылается на характеристику, которую Аристотель дает жидкости, – «жидкость не может быть ограничена собственными пределами», тогда как, по логике Гроция, «завладеть возможно только вещью ограниченной»³². Вряд ли такое можно назвать обращением к философии Стагирита, скорее, это удобная фраза, выхваченная по случаю. Такого же рода ссылка используется при обосновании обязанности родителей заботиться о своих детях – «кто сообщает форму, дает и то, что необходимо для формы, как сказано у Аристотеля»³³. Присутствуют и отдельные использования именно аргументации. Защищая положение, что «лицо, давшее обещание под влиянием страха, связано своим обещанием», он приводит слова Аристотеля о том, что «кто из страха перед кораблекрушением выбрасывает свои вещи, готов был бы, однако же, сохранить их при условии, если бы ему не угрожало кораблекрушение, но он выражает волю потерять их безусловно в связи с обстоятельствами места и времени»³⁴. О том, что слишком большое государство нежизнеспособно –

²⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 71.

²⁹ Там же. С. 242.

³⁰ Там же. С. 267, 271.

³¹ Там же. С. 695–696.

³² Там же. С. 204.

³³ Там же. С. 276.

³⁴ Там же. С. 333.

«как корабль может достигнуть таких размеров, что им нельзя будет управлять, так и количество людей и обширность пространства могут настолько увеличиться, что окажется недостаточна власть одного правителя»³⁵. Как видим, такое цитирование больше напоминает заимствование нужных слов по случаю, нежели обращение к философии Аристотеля.

В некоторых случаях ссылка на Аристотеля приводится как на авторитет, но опять же очень условно. Например, говоря о взаимопомощи, Гроций указывает, что многие мыслители считали это необходимым для человека (Аристотель, Цицерон, Солон, Демокрит и т. д.)³⁶. Получается, что речь идет о некоем общем месте, очевидной вещи, Аристотель с сотоварищами здесь вновь лишь поставщик сведений. Так же и об обязанности благодарности³⁷, и о том, что «лучшие должны повелевать худшими»³⁸, и о том, что войну ведут ради мира³⁹. Иногда встречается цитирование с вводной конструкцией типа «как правильно говорит Аристотель»⁴⁰, «то же говорил Аристотель», «тот же смысл находим у Аристотеля»⁴¹, когда ссылка идет после авторских рассуждений. Подобное могло бы быть указанием на заимствование, но, к сожалению, оно не встречается в концептуально значимых местах и, скорее, походит именно на иллюстрацию. А если и встречается, то Гроций просто в конце своих собственных теоретических построений дает ссылку. Так, говоря об обязанности возмещения ущерба, он сначала обосновывает это сам, а потом только дополняет Аристотелем – «тот не нарушит справедливости в собственном смысле, кто не помогает своими деньгами другому по скупости», – говорит Аристотель»⁴². Так же при градации причин преступления⁴³. Иногда такие ссылки выглядят даже комично. Например, анализируя практику перемирия, Гроций пишет – «Аристотель объявил сон оцепенением чувств; по примеру этого можно охарактеризовать перемирие как оцепенение войны»⁴⁴.

Пожалуй, самый распространенный тип обращения Гроция к предшественникам – это использование их как источник эмпирического материала для своих рассуждений. Так, описывая «случаи» в политической практике господства и подчинения, он добавляет, что подобные случаи «неоднократно отмечены в разных местах другими авторами» (в том числе и Аристотелем)⁴⁵. На протяжении всего рассуждения о «царской власти» Аристотель цитируется именно таким образом⁴⁶. Так же и о судебной практике⁴⁷, о порицании

³⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 531.

³⁶ Там же. С. 180.

³⁷ Там же. С. 280.

³⁸ Там же. С. 453.

³⁹ Там же. С. 739.

⁴⁰ Там же. С. 824.

⁴¹ Там же. С. 281.

⁴² Там же. С. 420.

⁴³ Там же. С. 476.

⁴⁴ Там же. С. 796.

⁴⁵ Там же. С. 127.

⁴⁶ Там же. С. 130–139.

⁴⁷ Там же. С. 434.

самоубийц⁴⁸, о примерах несправедливых войн⁴⁹, о признанности права захвата трофеев⁵⁰, о лжи⁵¹ и т. д.

Последний тип обращения Гроция к Аристотелю, который ясно прочитывается в тексте, можно назвать обращение к нему как к методологу. Описывая «гражданскую власть» и «соответствующие ей искусства» (политику и правосудие), Гроций приводит ее деление на «отрасли» Фукидидом, Дионисием Галикарнасским и Аристотелем, а после сам описывает логическую схему, по которой любой может «произвести правильное деление». Таким образом снова обесценивая теоретическое значение упомянутых авторов. Более того, он замечает, что Аристотель, выделив «отправление правосудия» в отдельную отрасль, оставил за ней только частное право, а публичное почему-то отнес к «общим делам» наряду с войной и т. д.⁵² Хотя Гроций здесь не упрекает Аристотеля прямо, но на фоне предыдущих корректировок это замечание можно прочитать как указание на недостаточно тщательно проведенный анализ или несколько устаревшее деление. Однако это не значит, что Гроций не признает (и в этом смысле – не учится) у Аристотеля методологической чистоплотности. Он ориентируется на него в разграничении проблемных областей исследования – политики и права⁵³. При формулировании понятия справедливой войны использует разделение в поступке того, «что относится к деянию, и того, что относится к самому деятелю»⁵⁴.

* * *

Проведенный анализ текста показывает, что у Гроция философия Аристотеля лишается своей теоретической значимости, им оспариваются сами подходы к концептуализации явлений. Соответственно, никакого заимствования фундаментальных положений или понятий ни из антропологии, ни из этики не происходит. Речь может идти лишь об общефилософских установках того времени – рассмотрение человека через его сущностные характеристики (рациональность, социальность), выстраивание социальных практик в дискурсе добродетели, регламентация этих практик правом в соответствии с «природой человека».

Исследование осложняется тем, что часть ссылок имеет общеинформативный характер и не несет никакой пояснительной и даже иллюстративной задачи, их нельзя оценить иначе как давление эрудиции. Иногда складывается впечатление, что Гроций думает цитатами, чужими словами, но при более внимательном прочтении оказывается, что это не так. Имеющиеся заимствования либо случайны (удобство аргумента), либо относятся к результатам анализа, а не объяснения, какого-либо явления (как в случае с тремя возрастными), так

⁴⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 445.

⁴⁹ Там же. С. 527.

⁵⁰ Там же. С. 640.

⁵¹ Там же. С. 585–591.

⁵² Там же. С. 126–127.

⁵³ Там же. С. 59, 314.

⁵⁴ Там же. С. 543.

что на месте Стагирита мог бы оказаться кто угодно другой. Собственный же анализ Гроция демонстрирует, что для понимания или описания того или иного явления или социальной практики достаточно своего разума. Так что чаще всего Аристотель, наряду со многими другими авторами, становится источником сведений и искомую нами функцию разъяснения доказательств или различения обсуждаемых предметов не выполняет. В концептуально значимых местах своего текста Гроций Аристотеля в основном поправляет, сводит на нет его теоретические разработки, принимая только описания некоего положения дел.

Однако в тексте можно фиксировать частые отсылки к методологии Аристотеля в вопросе анализа и систематизации явлений, т. е. практических наук (этики и политики). Гроций не только заимствует результаты такого анализа, но и указывает, что берет за образец Аристотеля, а критика при этом касается лишь результатов или критериев анализа. Таким образом, если концептуальную значимость философии Аристотеля с опорой на текст подтвердить не удастся, то Аристотель как стандарт и образец, по которому Гроций учится мыслить, подтверждается более-менее ясно.

В целом же мы имеем ситуацию, когда выявить детально и с опорой на текст влияние философии Аристотеля на моральную философию Гроция не представляется возможным. Учитывая специфику текста Гроция, очевиден вывод, что все исследования влияния мыслителей прошлого на моральную философию раннего Нового времени могут быть только компаративистскими исследованиями идей, т. е. требуют значительной интерпретации и не могут быть точными.

Список литературы

- Апресян Р.Г.* К вопросу о концептуализации морали в ранненововой философии // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 35–46.
- Апресян Р.Г.* Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 139–165.
- Гроций Г.* О праве войны и мира / Пер. А.Л. Саккетти. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Козлихин И.Ю.* Гуго Гроций // Правоведение. 1999. № 4. С. 263–271.
- Крылов С.Б.* От научного редактора // *Гроций Г.* О праве войны и мира. Москва: Ладомир, 1994. С. 3–5.
- Платонов Р.С.* Античные влияния в этике раннего Нового времени: методология исследования // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 328–336.
- Саккетти А.Л., Желудков А.А.* Гуго Гроций и его трактат «О праве войны и мира» // *Гроций Г.* О праве войны и мира. Москва: Ладомир, 1994. С. 6–38.
- Darwall S.* Honor, History and Relationship. Essays in Second-Personal Ethics II. Oxford: Oxford University Press, 2013. 285 p.
- Haakonssen K.* Hugo Grotius and the History of Political Thought // *Haakonssen K.* Grotius, Pufendorf and modern natural law. Vermont: Ashgate Publishing Company, 1999. P. 35–62.
- Irwin T.* The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Vol. II: From Suarez to Rousseau. Oxford: Oxford University Press, 2008. 911 p.
- Jeffery R.* Hugo Grotius in international thought. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 216 p.
- Vollenhoven C. Van.* Grotius and the Study of Law // The American Journal of International Law. 1925. Vol. 19. № 1. P. 1–11.

Aristotle in the Moral Philosophy of the Early Modern Period (Treatise of H. Grotius “On the Law of War and Peace”)

Roman S. Platonov

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: roman-vsegda@mail.ru

The article sets a goal to reveal the influence of ancient philosophy on the moral philosophy of the early Modern period, taking the example of H. Grotius’s reception of Aristotle’s ideas in the treatise «On the Law of War and Peace». Also the article sets a goal to discover the form and content of the reception and to reveal conceptions are formed under the influence of Aristotle in Grotius’s moral philosophy. It pays special attention to the conception of justice as the central conception of Grotius’s doctrine of the natural law. The research is carried out by means of the comparative conceptual analysis, the influence is established on the basis of systematization of textual evidence of the use and borrowing of certain concepts or judgments. As a result, the types of H. Grotius’s references to Aristotle’s texts are determined. It elucidates Aristotle is mainly used as a source of information, and often his judgments are borrowed for argumentation, but the references to him as a philosopher is secondary, но обращение к нему как к философу вторично, because H. Grotius disputes most of his conceptions. However, he accepts Aristotle’s methodological developments in the field of practical sciences and primarily for the systematization of social practices. It draws a conclusion Grotius’s references to Aristotle’s philosophy is not systematic and show only the author’s erudition. In this situation, the comparative conceptual analysis does not give a satisfactory result, because the influence is carried out at the level of cultural background of the author. Accordingly, it is impossible to obtain accurate data on the influence, and we can investigate it only by means of a very interpretative comparison of ideas.

Keywords: justice, morality, natural law, method, Grotius, Aristotle

References

Апрессян, Р.Г. “Jus Talionis v traktate Gugo Grotsiya ‘O prave voyny i mira’” [Jus Talionis in Treatise of H. Grotius ‘On the Law of War and Peace’], in: *Eticheskaya Mysl’* [Ethical Thought], 2002, vol. 3, pp. 139–165. (In Russian)

Апрессян, Р.Г. “K voprosu o kontseptualizatsii morali v rannenovremennoy filosofii” [Towards Conceptualization of Morality in the Early Modern Philosophy], in: *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 2018, vol. 11, pp. 35–46. (In Russian)

Darwall, S. *Honor, History and Relationship. Essays in Second-Personal Ethics II*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 285 pp.

Grotius, H. *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace], tr. by A.L. Sakketti. Moscow: Ladomir, 1994. 868 pp. (In Russian)

Haakonssen, K. “Hugo Grotius and the History of Political Thought”, in: *Haakonssen, K. Grotius, Pufendorf and modern natural law*. Vermont: Ashgate Publishing Company, 1999, pp. 35–62.

Irwin, T. *The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Vol. II: From Suarez to Rousseau*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 911 pp.

Jeffery, R. *Hugo Grotius in international thought*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 216 pp.

Kozlikhin, I.Yu. “Gugo Grotsiy” [Hugo Grotius], in: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1999, no. 4, pp. 263–271. (In Russian)

Krylov, S.B. “Ot nauchnogo redaktora” [From the scientific editor], in: *Grotsiy, G. O prave vojny i mira* [Grotius, H. On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir, 1994, pp. 3–5. (In Russian)

Platonov, R.S. “Antichnye vlijaniya v jetike rannego Novogo vremeni: metodologija issledovanija” [Antique Influence in Ethics of the Early Modern Period: Research Methodology], in: *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin: a scientific magazine], 2018, no. 6 (105), pp. 328–336. (In Russian)

Sakketti, A.L., Zheludkov, A.A. “Gugo Grotsiy i ego traktat ‘O prave vojny i mira’” [Hugo Grotius and his Treatise ‘On the Law of War and Peace’], in: *Grotsiy, G. O prave vojny i mira* [Grotius, H. On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir, 1994, pp. 6–38. (In Russian)

Vollenhoven, C. Van. “Grotius and the Study of Law”, *The American Journal of International Law*, 1925, vol. 19, no. 1, pp. 1–11.